

М. М. КАСПИНА
(Москва)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ У ЕВРЕЕВ ПОДОЛИИ И БЕССАРАБИИ (по полевым материалам 2004—2010 гг.)

Аннотация. В работе рассматриваются представления о смерти у евреев Подолии и Бессарабии, традиционная культура которых находится на грани исчезновения. Выбор данного региона для полевого исследования, посвященного еврейской традиционной культуре Восточной Европы, обусловлен тем, что здесь сохранилась значительная часть старожильческого еврейского населения, которые помнят довоенное прошлое и являются носителями языка идиш.

Ключевые слова: смерть, душа, еврейская этнография, еврейский фольклор.

Похоронная обрядность и связанный с ней комплекс представлений о жизни и смерти занимают исключительно важное место в традиционной культуре любого народа, и у евреев в частности. О похоронном обряде евреев Восточной Европы писали многие. Ряд погребальных еврейских обычаев был описан первыми российскими исследователями, обратившими внимание на традиционную культуру евреев-ашкеназов [Берлин 1861, Чубинский 1872]. Одним из главных наших источников по структуре и базовым элементам обряда остается этнографическая программа основателя еврейской фольклористики С. А. Ан-ского, посвященная еврейскому жизненному циклу [An-sky 1915]. Эта подробная программа-опросник была разработана С. Ан-ским и группой его коллег. Общую редакцию осуществлял известный этнограф Л. Штернберг, который прославился своими работами по этнографии народов Сибири. Программа опубликована на идише в Петербурге в 1915 г. (см. [Лукин 2004, 87—88]). К сожалению, в ней содержатся только вопросы, которые должны были задавать собиратели информантам. Ответы, то есть собственно материалы экспедиций С. Ан-ского, которые проходили

на территории Подолии и Волыни в 1912—1914 гг., до наших дней не сохранились, и мы можем судить о характере материала лишь по тем вопросам, которые есть в этой программе. Теме смерти и погребения в программе С. Ан-ского посвящена значительная часть вопросов финального раздела. Особое внимание в программе уделяется представлениям евреев о загробном мире, персонификации смерти и формам посмертного существования души.

Еще одним исследователем еврейского фольклора, который посвятил поверьям и представлениям евреев о смерти специальное исследование, стал Хаим Хаес, член этнографической комиссии ИВО (Еврейского научного института) в Вильно [Khayes 1928]. Хаес систематизировал материал, собранный в 1920-е гг. этнографами Еврейского научного института на территории Литвы, Польши, Украины и Бессарабии. В зону его интересов попали не только погребальные обряды, но и приметы, связанные со смертью, способы преодоления страха смерти, представления о душе и ее посмертных скитаниях и т. п. Во многом за исследованием Хаеса стоит попытка воплотить в жизнь опросник Ан-ского, найти в ходе полевых исследований ответы на те вопросы, которые были сформулированы в еврейской этнографической программе.

В советский период долгое время в изучении еврейской этнографии Подолии и Бессарабии был вынужденный перерыв, и первые исследования в этой области стали появляться лишь недавно. Одним из предварительных результатов изучения похоронного обряда среди евреев г. Черновцы стала публикация студентки РГГУ Е. А. Титовой в журнале «Живая старина» [Титова 2006]. По материалам, собранным в экспедициях в Подолии, которые проводились совместно центром «Сэфер» и центром «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, вышел сборник статей «Штетл, XXI век» [Штетл 2008]. Похоронный обряд, в отличие от свадебного и родильного, в этом сборнике не рассматривается отдельно, но много интересных элементов этого обряда затрагивается в других

исследованиях, посвященных законам посещения еврейского кладбища [Дымшиц 2008], традициям именнаяречения у евреев [Амосова, Николаева 2008] и др. Мы продолжим рассмотрение этой темы, анализируя полевой материал 2004—2010 гг.

В 2004—2008 гг. центр «Сэфер» и центр «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге провели ряд экспедиций в города Подолии (Тульчин, Балта, Могилев-Подольский и др.), их основной целью было изучение фольклора и этнографии евреев, современного состояния еврейских общин. В 2004—2010 гг. Центр библеистики и иудаики РГГУ (Москва) проводил студенческие этнолингвистические практики и научные экспедиции в городах Черновцы, Хотин, Кишинев, Сороки, Бричаны.

Для традиций, близких к ассимиляции, погребальный обряд до сих пор остается одним из самых значимых и ключевых маркеров этнической идентичности. В нашей работе речь пойдет о представлениях о смерти у евреев Подолии и Бессарабии, традиционная культура которых как раз находится на грани исчезновения. Выбор данного региона для полевого исследования, посвященного еврейской традиционной культуре Восточной Европы, обусловлен тем, что здесь сохранилась значительная часть старожильческого еврейского населения, которые помнят довоенное прошлое и являются носителями языка идиш. Основная часть наших информантов — это узники румынских концентрационных лагерей Транснистрии, которым удалось выжить в годы войны.

Говоря о еврейских представлениях о смерти, необходимо отметить, что любое описание еврейского погребального обряда в той или иной конкретной общине осложняется тем, что в письменной культуре иудаизма, в Талмуде и сводах религиозного права существует огромное количество регламентаций и предписаний: как следует хоронить умершего, кто руководит похоронами, что нужно и можно делать скорбящим и что нельзя, кто обязан соблюдать траур и т. п. Общая структура обряда

примерно одинакова для всех евреев, соблюдающих иудаизм, где бы они ни находились. Так, например, надписи на надгробиях, сделанные на иврите, практически идентичны в общинах Италии XVII в., Праги XVI в. и Западной Украины XIX в. Тем не менее, любая живая традиция, как это не парадоксально звучит применительно к нашей теме, всегда создает свои вариации и имеет свои специфические черты. Поэтому мы сосредоточимся не на общих описаниях правил и норм иудаизма, связанных с погребением (таких описаний довольно много, некоторые были даже изданы на русском языке для евреев, не говорящих на других языках [Полонский, Китроская 1994; Гиссер 2005]), а на поверьях и фольклорных рассказах о смерти и душе, характерных для изучаемого региона, обращая особое внимание на степень сохранности традиционных представлений в условиях современности. Такие локальные вариации представляют для нас особый интерес, поскольку отражают приоритет устной традиции в условиях практической утраты традиции письменной. Только самые пожилые наши информанты 1910—1920-х гг. рождения застали в своем детстве систему традиционного еврейского образования и знакомы с рядом письменных источников иудаизма. Большинство наших респондентов оказались отрезаны от этого важного пласта национальной культуры и лишь в последние годы пытаются самостоятельно восполнить эти пробелы.

Предвестники смерти

Множество примет связано в традиционной культуре с предвестием смерти — плохой сон, неожиданный стук в окно, разбитое зеркало и т. п. знаки обозначают скорую смерть: *«Шо зуб выпал — значит, кто-то умрёт в семье... Это давнее. Сказка или не сказка, но оно ведётся... давнее. Старые этого сильно боятся, когда зубы выпадут, зеркало разобьётся»* (Зап. от Златы Ушеровны Медник, 1932 г. р., г. Хотин, Бессарабия. Соб. М. Каспина, А. Полян [АЦБИ. Khotin_05_01_Mednik]). Все эти представления распространены и

у евреев, причем, судя по этнографическим свидетельствам 1920—1930-х гг., такие приметы и раньше пользовались популярностью в еврейской среде.

Нехорошим знаком, предвещающим скорую смерть кого-то из домашних, считается перестройка русской печки, которая была в доме. Такое представление имеет корни в средневековой письменной еврейской традиции: в разделе «Завещание Иехуды хе-Хасида» в книге «Сефер Хасидим» (Германия, XII в.) есть некоторые указания о правилах строительства жилого помещения: «Пусть человек не разрушает печи и духовки, в которой пекут выпечку. Нельзя ему использовать это место или ремонтировать его, потому что есть большая опасность для него» [Sefer Hasidim 2002, 25 (раздел 16, параграф 49)]. Этот запрет остается одним из самых актуальных до сих пор. На месте бывших печей во многих домах украинских и молдавских евреев стоят стиральные машины, тяжелая мебель и прочее, а в одной из последних экспедиций в Бричанах (Молдова) нам даже показали саму печь, занимающую почти половину дома, которую, тем не менее, владельцы боятся сносить из-за опасения возможных бедствий и несчастий, последующих за этим действием. На вопрос о переносе печки хозяйка ответила: «*Но я категорически против этого, потому что я знаю, что у евреев нельзя закрывать дымоход*» (Зап. от Марии Иосифовны Шнайдер, 1935 г. р. (урож. г. Могилев-Подольский), г. Бричаны. 2010 г. Соб. М. Каспина, А. Мороз [АЦБИ. Brich_010_Shnaider_01]). В той же Бессарабии, в соседнем с Бричанами местечке Рышканы был зафиксирован схожий вариант подобного представления в середине 1920-х гг.: «Печь нельзя разбирать в течение 10 лет, потому что может умереть кто-то из живущих в доме» [Khayes 1928, 291].

Еще одна яркая примета — предвестница смерти, наиболее подробно зафиксированная у евреев как собирателями первой трети XX в., так и в наши дни, — касается собачьего воя. Когда слышат собачий вой, знают, что в доме кто-то умрет (Зап. от Берты Адольфовны Жеребецкой, 1921 г. р. (урож. с. Неполоховцы, Черновицкая

обл.), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Жукова, Н. Киреева. [АЦБИ. Chern_07_010_Zherebetskaya]); от Цили Моисеевны Койфман, 1928 г. р. (урож. Бричаны), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, Д. Терлецкая, О. Александрова [АЦБИ. Chern_07_24_Koifman]); от Берты Адольфовны Жеребецкой, 1921 г. р. (урож. с. Неполоховцы, Черновицкая обл.), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Жукова, Н. Киреева. [Chern_07_24_Koifman]; от Клары Моисеевны Кац, 1935 г. р., г. Черновцы. 2007 г. Соб. Е. Грушевская, В. Герасимова [АЦБИ. Chern_07_026_Katz]; от Эти Наумовны Рикельман, 1929 г. р., Могилев-Подольский. 2008 г. Соб. М. Каспина, Д. Гидон [АЦПИ. MP_08_082_Rikelman]), говорят на идише «*Бог должен уберечь нас, чтобы никто не умер*» (Зап. от Михаила Абрамовича Крупника, 1918 г. р., г. Новоселица, Черновицкая обл. 2009 г. Соб. С. Амосова, А. Полян, Э. Иоффе [АЦБИ. Novosel_09_06_Krupnik]). Для того чтобы заставить собаку замолчать или отвести от себя смерть, переворачивают старую обувь, ботинок или тапок: «*А вот собака если воеет, это к чему?*» *Это кто-то должен умереть.* «*Это плохо, да? А не говорят, что как-то переворачивают...?*» *Переворачивают а шкруп* <идиш — старая обувь>. *Тапок старый, или старую ботинку переворачивают на ту сторону, он перестает выть. Если что-то воеет, это уже не хорошо, я уже знаю. Я могу выйти на улицу, я переворачиваю, я это знаю. Выхожу на улицу, или та соседка умерла, или та. Она это чувствует.* «*А вот зачем переворачивают?*» *Чтоб он перестал выть <...> Он чувствует и перестает выть. А почему, я не знаю*» (Зап. от Ривы Фридриховны Гиммельбрандт, 1931 г. р., г. Черновцы. 2006 г. Соб. М. Каспина, О. Белова [АЦБИ. Chern_06_02_Gimelbrandt]). Переворачивание предметов в целом в различных народных традициях имеет семантику перемены судьбы — переворачивают лавки после выноса покойника из дома, переворачивают ребенка во время различных ритуалов народной медицины. Данное переворачивание представляет собой простейший вид символического преобразования объекта, его перехода в иное состояние (см.

подробнее: [Толстой 1990, 126]). Переворачивание также тесно связано с народными представлениями о загробном мире, и поэтому, видимо, еврейский обычай переворачивать обувь призван сымитировать смерть и таким образом обмануть ее, отведя от себя беду. Еще одно подробное описание этого обычая было зафиксировано нами от семейной пары в г. Могилев-Подольский: «Жен. *Вот если воет собака, так у нас, говорят, по еврейскому обычаю надо перевернуть туфель.* Муж. *Вот это я тоже знаю <показывает — как переворачивают тапок>. Вот это — пока не перестанет выть. <...> Моя мама так делала. Только собака завоет — она бежит, переворачивает, а я смеюсь! Это такой обычай.* Жен. *Понимаете, вот если собака воет, у нас так говорят, у евреев, что это плохая примета. Что это — чтоб не дай Бог, к покойнику.* Муж. *Говорят, что собака видит черта или смерть, которые приходят к кому-то. Поэтому она начинает выть.* Жен. *Так вот чтобы предотвратить это — переворачивают обувь».* (Зап. от Фиры Ароновны Ястребной, 1940 г. р., и Ильи Михайловича Ястребного, 1933 г. р., г. Могилев-Подольский. 2008 г. Соб. М. Каспина, М. Крутиков [АЦПИ. МР_08_087_Yastrebnye]). Информанты сами подчеркивают еврейский характер данного обычая. Действительно, попытки обнаружить знакомство славянского населения тех же регионов с подобной практикой пока не принесли никаких результатов. Представление о том, что собака видит ангела смерти, мы находим и в еврейских этнографических источниках 1920-х гг.: «Когда собака воет, говорят, что она видит проходящего ангела смерти» [Khayes 1928, 288].

Смерть

Смерть у евреев персонифицируется в образе ангела смерти, которого называют Малхемувес (идиш) — от словосочетания на иврите *малах а-мавет* — «ангел Смерти». Сама по себе фигура этого ангела играет важную роль в фольклоре и литературе евреев. Еще в Талмуде о нем сказано, что, когда он приходит к изголовью умирающего, он держит в руках меч, с которого стекает капля

желчи. Умиравший кричит от ужаса, и капля попадает ему в рот, отчего и наступает смерть [Талмуд, Авода Зара, 22 б]. В своде законов XV в. «Шульхан Арух» приводится постановление о том, что в доме, где есть покойник, а также в трех соседних домах следует вылить всю воду [Shulkhan Arukh, Yoreh Dea, 339: 5]. В более поздних комментариях к этому закону мы встречаем любопытную мотивацию этого обычая — дело в том, что Ангел Смерти ополаскивает в этой воде свой меч, и тот, кто выпьет такой воды, умрет [Кицур 1996, 506].

Можно проследить параллель этому сюжету в славянской традиции. В этнографическом очерке «Пинчуки» священник Дмитрий Булгаковский приводит следующее представление пинчуков о смерти и загробной жизни: «Смерть в воображении пинчука представляется в виде необыкновенного человека, которого никто не видит кроме умирающего. По его воззрению, смерть, так же как человек, имеет голову, руки, ноги и другие члены; она приходит к больному обыкновенно с косою, на конце которой всегда висит капля смерти. Явившись к больному, она становится в головах его и когда больной откроет рот, то в него попадает с косы капля смерти, от которой он и умирает. После смерти душа погружается, или, как говорят, полощется в воде, находящейся в доме, и тем оскверняет ее. Напившийся той воды в скором времени умирает, вследствие чего перед смертью больного домашние выливают всю воду на двор и самые сосуды, в которых была вода, перевортывают вверх дном» [Булгаковский 1890, 190]. Возможно, такая параллель не случайна, ведь Пинский уезд Минской губернии в конце XIX в. — это зона тесных межэтнических контактов между славянами и евреями. Однако на основании столь отрывочных данных сложно говорить об этом более определенно.

Образ ангела смерти давно привлекал внимание еврейских этнографов. В этнографических материалах начала XX в. можно встретить устные свидетельства, показывающие знакомство евреев Польши и Украины с этой письменной еврейской традицией об Ангеле Смерти [An-sky 1915, №№ 1661—1679; 83

Khayes 1928, 286, 300, 306]. В наших полевых материалах мы также встречаем следы этих представлений. У современных евреев Подолии и Бессарабии принято выливать воду, которая есть в том доме, где умер человек. При этом ни разу мы не фиксировали обычая выливать воду и в соседних домах, как это было принято раньше (см. например: [Берлин 1861, 28]). Вероятно, это связано с нежеланием афишировать перед иноэтническими соседями свои национальные обычаи. Выливают всю жидкость, которая на момент смерти не была закрыта сверху каким-либо предметом: это может быть вода, суп, чай и т. п. (Зап. от Ишая Давидовича Клеймана, 1931 г. р. (урож. с. Вад Рашков, Бессарабия), г. Черновцы. 2006 г. Соб. М. Каспина, А. Сорокина [АЦБИ. Chern_04_01_Kleyman]; от Анны Иосифовны Шварцбройт, 1925 г. р. (урож. с. Малые Черневы, Подолия), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, О. Белова [АЦБИ. Chern_05_03_Shvartzbroit]; от Златы Ушеровны Медник, 1932 г. р., г. Хотин, Бессарабия. Соб. М. Каспина, А. Полян [АЦБИ. Khotin_05_01_Mednik]; от Песи Шаевны Колоденкер, 1927 г. р., г. Тульчин. 2005 г. Соб. М. Каспина, С. Пахомова [АЦПИ. Tul_05_059_Kolodenker] и др.). Но лишь изредка нам удается записать мотивировку этого обычая. Иногда говорят, что воду выливают, «*чтобы уже не пользоваться этой водой. Они говорят, что уже с запахом будет мертвого*» (Зап. от Енты Ушеровны Колоденкер, 1925 г. р., г. Тульчин. 2005 г. Соб. М. Каспина, А. Соколова [АЦПИ Tul_05_057_Kolodenker_E]). И только однажды мы услышали упоминание Ангела Смерти: «*Малхемувес — это тот, кто приходит душу брать. Дер Малхемувес кимт (Ангел Смерти приходит) и забирает людину на тот свет. Это значит дер Малхемувес <...> Его никто не видит. Бог его посылает, что он душу брал. <...А не было такого, что воду в домах выливали?> А! Ме гис ус восер, говорят, дер малхемус хот гетринкен (выливают воду, говорят ее пил ангел смерти)*»¹ (Зап. от Розы Овшивны Штернберг, 1925 г. р. (урож. г. Хотин, Бессарабия), г. Черновцы. 2005 г. Соб. М. Каспина, А. Полян.

[АЦБИ. Chern_05_01_Shternberg]). Традиционная мотивировка слегка видоизменяется, но сохраняется связь между обычаем выливать воду в доме, где есть покойник, и образом Ангела Смерти.

Снаряжение покойного на тот свет

В еврейской этнографической литературе перечисляется ряд предметов, которые кладут покойнику в могилу, чтобы ему было приятно находиться на «том свете»: молитвенник, по которому он молился при жизни, талес, в котором он молился, доски от стола, за которым он учил Тору, и т. п. В материалах наших экспедиций также встречаются упоминания о том, что рядом с телом умершего кладут вставные зубы, очки, протезы и прочие атрибуты посмертного комфорта. Неоднократно мы фиксировали рассказы, достаточно универсальные для многих традиционных культур, о том, как умершие приходят во сне, если родственники забывают положить им с собой необходимые предметы, и жалуются на неудобство (см. подробнее: [Амосова, Николаева 2006]). Схожие мотивы возникают и в разговорах о том, что происходит с вещами покойника, которые забыли уничтожить и оставили в мире живых. В основном это касается тех предметов, на которых обмывали тело после смерти, или одежды, в которой он умер, а также обуви покойного. По очень распространенному в современной еврейской традиции представлению, одежду покойного можно раздать бедным и знакомым, а вот обувь необходимо изрезать и сжечь, чтобы никто не «*топтал его по голове*» (Зап. от Иты Зигфридовны Штейнберг, 1949 г. р., г. Черновцы. 2008 г. Соб. К. Зиндер [АЦБИ. Chern_08_058_Shteynberg]; от Эллы Изиевны Клейнерман, 1969 г. р., г. Черновцы. 2005 г. Соб. Е. Титова. [АЦБИ. Chern_05_07_Kleynerman]; от Полины Оскаровны Кречмер, 1917 г. р. (урож. г. Измаил, Бессарабия), г. Черновцы. 2005 г. Соб. Д. Малюта. [АЦБИ. Chern_05_06_Krechmer]; от Анны Ефимовны Богомольной, 1934 г. р. (урож. с. Ободовка, Подолия), г. Могилев-Подольский. 2008 г. Соб. М. Каспина. [АЦПИ. MP_08_045_Bogomolnaya];

¹ Здесь и далее перевод автора.

от Михаила Шлемовича Мельмана, 1939 г. р., г. Могилев-Подольский. Соб. М. Каспина, С. Пахомова [АЦПИ. МР_08_076_Melman] и др.). Интересно отметить, что обувь в целом занимает особое место в еврейских представлениях о смерти², — мы наблюдали это, когда говорили о приметах и предписаниях, связанных с предотвращением дурных вестей, видим мы это и сейчас.

Приведем два характерных описания таких представлений о поведении мертвых, записанных от уроженцев небольших городков Подолии — Могилева-Подольского и Тульчина. Первый из них: «Если новая одежда, вы можете ее отдать родственникам, бедным. А ту одежду, которую он на себе носил, ее надо рвать. Обувь тоже, разрезать надо. Только новое можешь отдать. <А почему?> Потому что ты его топчешь. Иначе он ночью снится будет: “Почему ты топчешь меня?” Можешь оставить часы, сережки, но одежду надо уничтожить. В мусорный ящик» (Зап. от Михаила Ароновича Койфмана, 1957 г. р., г. Могилев-Подольский. Соб. М. Каспина, С. Амосова [АЦПИ. МР_08_063_Koymfan]).

И второй похожий рассказ от тульчинского информанта: «Вот случается вот так вот: если человек умер, вот надо взять его постель и все вот, надо взять это... постель или где-то спалить или... давать никому нельзя. А одежда... если хорошая одежда, то вот родственники могут... если пальто хорошее, но обувь ни в коем случае нельзя вот это...<...> нельзя отдавать, потому что обувь, то ты топчешь на лицо. <...> Вот у меня вот мать умерла <...>, то сестра... взяли вот это все ее постельные принадлежности и положили в сарайчик. И вот, значит, это нельзя делать. А надо это... должен был сразу вот спалить. А давать — кто возьмет? Знает, что умер человек. И вообще нельзя никому отдавать. И вот, значит, сестре сон снится — мама. Что-то не так, сердита на нее, почему ты так и так, вот ты недодала мне, что-то недодала мне, не убирай... не убрала, вот, от

² Общеизвестно также, что скорбящие сидят семь дней траура босиком, без обуви. И, соответственно, у евреев распространен запрет ходить босиком в повседневной жизни, чтобы не навлечь беду.

меня. И она быстро... потом, значит, она утром понимает, плачет, что-то мама всё время, всё время мама снится ей, снится — ужас один. И она, значит, догадалась, что в сарайчик, когда она умерла, она положила ее все шмутики: одёжу, всё... и еще, где она спала, потом вот это гребешок, который когда-то носила. Вот она взяла, кто-то вот то же самое, люди сказали: “Почему вы... надо было сразу спалить”. И вот, значит, она спалила это всё. И всё прекратилось. Видите, надо все, чтобы человек, когда умер, что он носил, тапки или ботинки, туда в гроб положить. Очки тоже в гроб. Это всё положить, чтобы он... пользовался. А то если ты не положишь, будетниться вот» (Зап. от от Льва Шаевича Колоденкера, 1925 г. р., г. Тульчин, 2005 г. Соб. М. Каспина, А. Соколова [АЦПИ. Tul_05_57_Kolodenker_L]).

Таким образом, мы видим, что представления о загробном существовании души присутствуют и в еврейском фольклоре. Покойника обустроивают в том мире, чтобы он имел там подобие своего пространства, будь это его привычные молитвенные принадлежности или те протезы, которыми он пользовался при жизни. Если же значимый в данной традиционной культуре предмет, принадлежавший покойному, продолжает находиться в мире живых (обувь, одежда или вещи, на которых лежало тело), согласно народным представлениям, души умерших начинают влиять на живущих, приходиться к ним во снах и требовать восстановления четкой границы между двумя мирами.

По еврейскому обычаю умершему принято закрывать глаза черепками от разбитой посуды³, причем как в этнографической литературе начала XX в.,

³ Впервые косвенное упоминание о распространении у евреев этого обычая встречается в еврейском религиозном законодательстве III в. н. э.: «Не закрывают в субботу глаза мертвому, и даже в будний день — если испускает душу. А кто закрывает глаза в процессе исхода души — убийца» [Мишна Шаббат, 23: 5]. И хотя, на первый взгляд, здесь говорится о запрете закрывать глаза мертвому, на самом деле, видимо, речь идет об умирающем — запрещено провоцировать смерть, а закрывание глаз может оказаться невольным катализатором смерти.

так и в наших современных записях можно встретить две разные мотивировки такой традиции.

Первое объяснение — традиционное: эти черепки или камушки должны упасть с глаз покойного тогда, когда в честь него назовут новорожденного младенца. Имя умершего, данное живому, как бы окончательно завершает жизненный путь человека, и он обретает покой на том свете (подробнее см.: [Амосова, Николаева, 2008]): «Камушки кладут на... на глаза, две маленькие камешки кладут. И эти камешки лежат, пока, ну, например... умер... мама умерла, папа умер... должны дети дать имя... ихнее... Когда имя даёшь, вот тогда и эти камешки снимают. С глаз. <Кто снимает?> Там, на том свете. Кто-то видел? <смеется> Никто не видел! Но это... бабские сказки!» (Зап. от Златы Ушеровны Медник, 1932 г. р., г. Хотин, Бессарабия. Соб. М. Каспина, А. Полян [АЦБИ. Khotin_05_01_Mednik]); «Вот говорят так, шо когда умирает у нас, у евреев, так ставят черепки на глаза. Вы это знаете? <Угу.> И если не даёшь, не даёшь... Если даёшь имя именно, то говорят, что эти черепки отпадают от глаз». (Зап. от Цили Моисеевны Койфман, 1928 г. р. (урож. п. Бричаны, Бессарабия), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, Д. Терлецкая, О. Александрова [АЦБИ. Chern_07_01_Koofman]), аналогичные сведения записаны от Ишая Давидовича Клеймана, 1931 г. р. (урож. с. Вад Рашков, Бессарабия), г. Черновцы. 2006 г. Соб. М. Каспина, А. Сорокина. [АЦБИ. Chern_04_01_Kleuman]; от Фиры Ароновны Ястребной, 1940 г. р. и Ильи Михайловича Ястребного, 1933 г. р., г. Могилев-Подольский. 2008 г. Соб. М. Каспина, М. Крутиков [АЦПИ. МР_08_087_Yastrebnue]; от Владимира Григорьевича Гитмана, 1924 г. р. (урож. с. Каришков, Подолия), г. Черновцы. 2009 г. Соб. С. Амосова, С. Николаев [АЦБИ. Chern_oct_09_14_Gitman]; от Ципоры Янкелевны Фурман, 1934 г. р. (урож. с. Сербешты, Бессарабия), г. Бельцы 2011 г. Соб. С. Шульман, Д. Гидон, Н. Голант [АЦБИ. Bel_011_033_Furman] и др.). Если в честь покойника долго не называют детей, то он начинает приходить во сне и требовать, чтобы его ос-

вободили от этих черепков: «Ему когда ложат эти черепки, он слепой, он не видит ничего. А палочки даются для того, чтоб на том свете он мог продвигаться. И вот когда даешь за него имя, падают черепки, и он прозревает. И он видит, куда идет. И палочки выпадают из рук. Так потому требуется, чтоб имя дали, потому что лежит в темноте. Поэтому надо имя найти, хотя бы первую букву. Ты можешь назвать по-другому, но чтоб начало его было. <А куда покойник должен пойти?> Ну, он просто ходит там, общается со своими. И обычно они снятся и говорят, мы хотим имя, имя хотим и прозреть» (Зап. от Михаила Ароновича Койфмана, 1957 г. р., г. Могилев-Подольский. Соб. М. Каспина, С. Амосова [АЦПИ. МР_08_063_Koofman]). Про палочки, которые упомянуты в этом интервью, мы скажем чуть позже, а здесь хотелось бы обратить внимание на мотив зрения и временной слепоты покойника. На материале славянской этнографической традиции этот мотив подробно рассматривался Н. И. Толстым [Толстой 1995, 181—205]. И, как уже отмечалось исследователями, представление о том, что живые должны обеспечить покойнику возможность «видеть» на том свете, характерно не только для славянской, но и для еврейской традиции [Амосова, Николаева 2008, 92; Толстой 1995, 189]. Это интервью как нельзя лучше иллюстрирует научные предположения, реконструирующие народные представления о загробном мире и мотиве зрения/слепоты умерших.

Второе объяснение того, зачем покойнику закрывают глаза черепками, категоричнее: при жизни покойник был жадным человеком и смотрел на все, теперь у него больше не будет такой возможности. Такая мотивация встречается едва ли не чаще, чем первая, но парадоксальным образом согласно этой традиции вовсе не предполагается, что когда-нибудь умерший вновь обретет зрение на том свете. Наоборот, с завершением земного пути заканчивается его способность смотреть, видеть и одновременно — завидовать: «<А вот на глаза, не клали на глаза ничего?> Клади, это вот — черепи, черепи, черепицу. <Черепицу?> Или пять копеек,

чтоб она не видела, куда ей ложиться, чтобы ... так и теперь кладут. <А почему кладут так?> Чтобы, чтоб не видел что куда, света больше уже не видел. Понимаешь? Чтоб света не видел» (Зап. от Берты Адольфовны Жеребецкой, 1921 г. р. (урож. с. Неполоховцы, Черновицкая обл.), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Жукова, Н. Киреева. [АЦБИ. Chern_07_010_Zherebetskaya]); *«Если он был жадный, так ему одевали кирпич на глаза или кастрюльки кирпичный такой, знает. Это надо было ему одеть на глаза, потому шо он был жадный. <...А почему?> Потому шо он был жадный, шоб он с того света, он с собой же ничего не взял — так на тебе камень!»* (Зап. от Ривы Фридриховны Гиммельбрандт, 1931 г. р., г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, О. Белова [АЦБИ. Chern_07_022_Gimmelbrandt]); *«<Закрывают глаза черепками> Это потому что человек имеет большие глаза: сколько у него есть, так он еще больше хочет. Вот, например, есть у вас один костюм хороший — второй. А вы думаете, ах, если бы еще летний, у меня было бы уже всё. Сколько не есть, то мало. Так и обувь, так и всё. Так закрывают, чтобы не имел большие глаза, чтобы не хотел много»* (Зап. от Енты Ушеровны Колоденкер, 1925 г. р., г. Тульчин. 2005 г. Соб. М. Каспина, А. Соколова [АЦПИ Tul_05_057_Kolodenker_E]; аналогичные объяснения были записаны от Цили Моисеевны Койфман, 1928 г. р. (урож. Бричаны), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, Д. Терлецкая, О. Александрова [АЦБИ. Chern_07_24_Koymfan]; от Розы Овшиевны Штернберг, 1925 г. р. (урож. г. Хотин, Бессарабия), г. Черновцы. 2010 г. Соб. М. Каспина, А. Полян [АЦБИ. Chern_oct_2010_01_Shternberg]) и многих других).

Во второй мотивировке сознательно подчеркивается обратный мотив слепоты — задачей живых становится не обеспечение покойнику возможность зрения на том свете, а напротив — окончательное лишение его способности видеть. Как поэтически выразилась одна из наших информанток, покойнику закрывают глаза черепками от посуды, *«чтоб они не... не видели свет, чтоб их не преследовало зрелище уходящего мира»* (Зап. от Марии Саббатаевны

Авербух, 1927 г. р. (урож. г. Кишинев), г. Черновцы. 2008 г. Соб. В. Рувинская, М. Кулик. [АЦБИ. Chern_08_054_Averbukh]). При этом важно отметить, что и та, и другая традиция распространены в одних и тех же регионах, и поэтому невозможно говорить о локальных вариантах и трансформациях народных представлений.

Удивительно, что обе противоположные мотивировки того, зачем умершим закрывают глаза черепками, встречаются и в этнографической литературе о евреях конца XIX — середины XX в. Х. Хаес приводит подряд две версии, объясняющие данную традицию: если назвать ребенка в честь умершего, с его глаз спадут черепки (по польским материалам Р. Лилиенталовой), а также, говорит он в следующем предложении, глаза закрывают черепками, чтобы человек перестал завидовать (по материалам собирателей из Бреста) [Khaes 1928, 309]. И тут распределение двух традиций по разным регионам могло бы послужить объяснением такого несоответствия, однако другие свидетельства из этих же областей не дают желаемой четкой картины [Чубинский 1872, 53].

В некоторых наших интервью с уроженцами бессарабских и подольских местечек при описании снаряжения покойника появляется еще одна немаловажная деталь, которая уже встретила нам чуть раньше, — это упоминание о том, что в руки мертвецу дают палочки: *«Умер человек, вот отец умер, значит, мне сказали: толэс⁴ нужно ложить в гроб, и в руки ложится что-то там... какие-то обрезки от дерева, чтобы глаза меньше были, чтоб не были большие глаза в гробу. Тут у него глаза большие, а там чтоб не было. И всё! <В руки?> Да, в руки ложат — там тот, который хоронит, ложит, от дерева он обрезал что-то, палочки, и положил в руки»* (Зап. от Ефима Хуновича Трахтенберга, 1928 г. р., г. Хотин, Бессарабия. 2007 г. Соб. М. Каспина, О. Белова. [АЦБИ. Khotin_07_01_Trahtenberg]). Мотивировки такого обычая связаны с представлением о том, что покойнику с этими палочками легче будет передвигаться на том свете (Зап. от Михаила Ароновича Койфмана, 1957 г. р., г. Могилев-По-

⁴ Талес — молитвенное покрывало.

дольский. Соб. М. Каспина, С. Амосова [АЦПИ. МР_08_063_Kooufman]). Иногда объяснение такой ритуальной практики соотносится с описанием мессианских времен: «*Давали в руку солому, мертвецу давали в каждую руку солому. Это когда Мессия придет, чтоб он имел на чем опираться*» (Зап. от Марии Саббатаевны Авербух, 1927 г. р. (урож. г. Кишинев), г. Черновцы. 2008 г. Соб. В. Рувинская, М. Кулик. [АЦБИ. Chern_08_054_Averbukh]). Это представление имеет корни как в художественной еврейской литературе (оно встречается в произведениях Ш. Агнона, Башевиса Зингера и др.), так и в этнографической: «В руки ему дают маленькие палочки. Это объясняется тем, что когда оживут мертвые, то они будут катиться под землю в Палестину, поэтому дают мертвецам эти палочки, чтобы они служили им подпорьями» [Чубинский 1872, 53]. Х. Хаес также приводит свидетельства информантов из Польши: «В руки мертвецу дают “вилочки”, чтобы он мог себя чистить на том свете, а также для того, чтобы ему было легче встать, когда придет Мессия» [Khaes 1928, 309].

В целом представление о воскресении мертвых в Иерусалиме после прихода Мессии очень развито и в еврейской литературе⁵, и в народной традиции (см., например: [Ginsberg 2007]). И наши этнографические материалы также подтверждают распространение этих известных мотивов и отражение их в реальных обрядовых практиках.

Представления о душе умершего

О душе покойника обычно говорят в связи с первыми семью днями траура после похорон, которые называются по-еврейски *шиве*. Рассказывают, что на протяжении семи дней в доме, где умер человек, ставят стакан с водой и прикалывают булавкой кусок от ткани, из которой шили погребальную одежду *тахрихим*, чтобы душе умершего было чем умываться и вытираться [Khaes 1928, 308]. Есть отголоски этого пред-

⁵ Одно из первых упоминаний о том, что умершие праведники во время будущего воскресения мертвых будут пробираться в Иерусалим, встречается в Талмуде (Кетубот 111б).

ставления и в современных интервью: «*Я знаю, что, когда человек умирает, ставят стакан воды, ставят... берут отрезают кусочек, уголочек простыни. Туда вкалывают <...> Там, где лежит покойник. И... ну и если тахрихим, ну это такое уже дело — туда вкалывается или иголочка, или булавочка. Ставится на окно. Так оно стоит 8 дней. На восьмой день утречком на рассвете воду выливают. Этот стакан, этот кусочек материи, эту иголочку или булавочку идут к кладбищу и недалеко, не доходя до кладбища, где-то в сторонке оно закапывается. Это называется *аройс балейтн ди нешуме* — *провести душу*. Поворачиваешь лицо к Иерусалиму. И просишь Всевышнего принять...<...> Но так закапывают, чтоб где-то в сторонке. И чтобы не на кладбище, а чтобы видно было кладбище. У русских, у украинцев на девятый день это делают. У нас делают на восьмой» (Зап. от Риты Генеховны Швейбиш, 1936 г. р., г. Тульчин. Соб. В. Дымшиц, С. Амосова [АЦПИ. Tu1_05_018_Shveybysh]). Действительно, в славянской традиции распространена подобная поминальная практика — ставят стакан с водой на окно, чтобы душа могла умыться, а по окончании траура на девятый или сороковой день родственники «провожают душу» (см. например: [Русский Север 2001, 68; Кулев, Балакшина 2000] и др.). Важно отметить, что наши еврейские информанты используют словосочетание «провождать душу» как термин, который устойчиво употребляется не только порусски, но и на идише — «*балейтн ди нешуме*». Подробно описывается целый обряд проводов души как знак окончания семидневного траура: «*Балейтн ди нешуме (провожаем душу)*. Душа была в доме, а после восемь дней, душа летит назад в гроба. <Обходят дом?> Вот сегодня пора встать, они одеваются, родные и идут *провождать душу*, но не этой дорогой, что хоронили, но другим улицам. <...> Это — траур, траур! Пока восемь дней душа живет в доме, мертвеца вынесли, но *ди нешуме из ин штиб нох (душа еще в доме)*. Восемь дней» (Зап. от Розы Овшивны Штернберг, 1925 г. р. (урож. г. Хотин, Бессарабия), г. Черновцы. 2005 г. Соб. М. Каспина, А. Поляна*

[АЦБИ. Chern_05_01_Shternberg]). «*Восемь дней мы должны, мы сидим шиве, восемь дней, а потом на восьмой день подымаемся, я знаю, как мама и папа мой, так нас обвели восемь раз вокруг дома. Это мы провожаем душу умершего*» (Зап. от Клары Моисеевны Кац, 1935 г. р., г. Черновцы. 2009 г. Соб. Д. Малюта [АЦБИ. Chern_may_09_028_Katz]). Также этот обряд подробно описан В. А. Дымшицем в его статье про обычаи и предписания, связанные с еврейским кладбищем [Дымшиц 2008, 154—155]. Таким образом, и термин, и сам обычай «провождать душу» имеют явные параллели в славянской и еврейской поминальных традициях. Эти представления укладываются в общую реконструкцию индоевропейского погребального обряда — покойник переходит грань между «своим» и «чужим», и с помощью цикла поминальных обрядов становится «гостем», которого сначала приглашают, а потом провожают [Невская 1980, 231; Байбурин, Левинтон 1990, 82]. Существенное отличие между рассматриваемыми традициями можно обнаружить лишь в том, что в славянской обрядности эта церемония сопровождается символическим преподнесением душе умершего различной еды: хлеба, пирога и т. п., а у евреев, напротив, душу покойного провожают с пустыми руками. Иногда лишь упоминают о том, что в сторону кладбища кидают камень, который находился в доме в дни траура (Зап. от Анны Иосифовны Шварцбройт, 1925 г. р. (урож. с. Малые Черневцы, Подолия), г. Черновцы. 2007 г. Соб. М. Каспина, О. Белова. [АЦБИ. Chern_05_03_Shvartzbroit]).

Также с представлениями о душе связано негласное предписание не ходить на кладбище слишком часто и не тревожить лишним раз душу умершего (см. подробнее об этом: [Дымшиц 2008]). Особенно это касается распространенной в данных регионах практики — не ходить на могилу в течение первого года после похорон, до тех пор, пока не поставят памятник, надгробный камень: «*Не положено часто ходить, чтобы не тревожить душу умершего, но мне кажется, чтобы люди сами меньше расстраивались, чтобы ослабить гнёт*

на психику. Памятник ставят через год, земля должна усесться, до этого — просто делают как горбик» (Зап. от Раисы Шаевны Альтикес, 1922 г. р. (урож. г. Хотин, Бессарабия), г. Черновцы. 2009 г. Соб. С. Амосова, С. Николаева [АЦБИ. Chern_oct_09_22_Altikes]); «*Раньше когда-то в первый год нельзя было идти на кладбище. Первый год он занят собой, он отчитывается перед Богом, что он делал хорошее, что плохое. Нельзя его тревожить*» (Зап. от Клары Исааковны Шапиро, 1927 г. р. (урож. с. Славут), г. Черновцы. 2008 г. Соб. М. Каспина, В. Рувинская [АЦБИ. Chern_08_046_Shapiro]); «*У евреев говорят, что до года на кладбище ходить нельзя*» (Зап. от Розы Овшиевны Штернберг, 1925 г. р. (урож. г. Хотин, Бессарабия), г. Черновцы. 2010 г. Соб. М. Каспина, А. Полян [АЦБИ. Chern_oct_2010_01_Shternberg]).

Впоследствии, когда проходит год, на могилу к умершим родственникам начинают ходить, чтобы попросить их походить за живых, помочь со здоровьем, с заработком и т. п. Широко распространена даже формула обращения к покойнику: «*Лойф ун бет Гот фар мир... (Беги и проси Бога за меня...)*» (Подробнее об этой практике см.: [Дымшиц 2008]). Умерший, таким образом, согласно народным представлениям, превращается в заступника и покровителя своих живущих родственников.

Итак, мы видим, что комплекс еврейских поверий и представлений, связанных со смертью и загробным миром, не утратил многих своих специфических черт, которые фиксировали исследователи XIX — середины XX в. и корни которых подчас уходят в древнюю талмудическую традицию. Тем не менее, ряд традиционных для еврейского фольклора и литературы XIX в. сюжетов, посвященных душам умерших, таких как истории о диббуке, о собрании мертвых по ночам в синагоге и т. п., в наше время уже практически невозможно зафиксировать. Они полностью исчезли из текстов еврейской традиционной культуры, и на смену им пришли новые сюжеты, которые еще предстоит внимательно изучить.

Литература

Амосова, Николаева 2006 — *Амосова С., Николаева С.* Сны об умерших в еврейской и славянской традициях (на материале экспедиций в г. Тульчин (Винницкая обл., Украина) и г. Балта (Одесская обл., Украина) // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2006. С. 93—14.

Амосова, Николаева 2008 — *Амосова С., Николаева С.* «Человек родился»: заметки о еврейском родильном обряде // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 83—98.

Байбурин, Левинтон 1990 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Похороны и свадьбы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М., 1990. С. 64—98.

Берлин 1861 — *Берлин М.* Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. СПб., 1861.

Булгаковский 1890 — *Булгаковский Д. Г.* Пинчуки: Этнографический сборник: Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. СПб., 1890.

Гиссер 2006 — Еврейские традиции похорон, траура и поминовения / сост. И. Гиссер., ред. М. Трескунов. СПб., 2006.

Дымшиц 2008 — *Дымшиц В. А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 135—158.

Кицур 1996 — Кицур Шульхан Арух (Краткий свод законов еврейского образа жизни) / сост. и пер. Й. Векслер, общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим, 1996. Т. 2.

Кулев, Балакшина 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина; расш. и нотация С. Р. Балакшиной. Вологда, 2000.

Лукин 2004 — *Лукин В.* «... Академия, где будут изучать фольклор» (Ан-ский — идеолог еврейского музейного дела) // Еврейский музей: сб. статей / сост. В. А. Дымшиц, В. Е. Кельнер. СПб., 2004. С. 57—94.

Невская 1980 — *Невская Л. Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980. С. 228—239.

Полонский, Китросская 1994 — Долг живых: Еврейские традиции похорон и траура /

сост. и ред. П. Полонского и М. Китросской. Иерусалим; М., 1994.

Русский Север 2001 — Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2001.

Титова 2006 — *Титова Е. А.* Еврейский похоронный обряд Черновицкой области // Живая старина. 2006. № 2. С. 37—39.

Толстой 1990 — *Толстой Н. И.* Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М., 1990. С. 119—127.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Глаза и зрение покойников // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 185—205.

Чубинский 1872 — *Чубинский П. П.* Труды экспедиции в юго-западный край. Материалы и исследования. Евреи юго-западного края. СПб, 1872. Т. VII. Ч. 1.

Штетл 2008 — Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008.

Ап-sky 1915 — *Ап-ский С. А.* Еврейская этнографическая программа. СПб., 1915. (идиш)

Ginsberg 2007 — *Ginsberg H. L. et al.* «Messiah» // *Encyclopaedia Judaica*. Ed. Michael Berenbaum and Fred Skolnik. Vol. 14. 2nd ed. Detroit, 2007. P. 110—115.

Khayes 1928 — *Khayes Kh.* Beliefs and Customs in Connection with Death // *Studies in Philology*. V. 2, Publications of the Yiddish Scientific Institute. Vilno, 1928. P. 281—328. (идиш)

Сокращения

АЦБИ — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, г. Москва.

АЦПИ — Архив центра «Петербургская иудаика» Европейского университета, г. Санкт Петербург.

Summary. *The article focuses on the ideas and notions about of Death and Soul in the Oral Tradition of the Jews of Podoliya and Bessarabia. Traditional Culture of Eastern European Jewry is very alive in these regions. Most of our informants remember their pre-war childhood in traditional Jewish Home, and their native language is Yiddish. The study is based on the fieldwork materials, collected in 2004–2010 in Ukraine and Moldova by the scholars and students from Moscow and Saint Petersburg.*

Key words: *death, soul, Jewish Ethnography, Jewish Folklore.*